

Цветаева М.
(музей-квартира)

26/III-86

26 августа 1986 года

3.

ПОДРОБНОСТИ
ДЛЯ «ИЗВЕСТИЙ»

Дом Марины
Цветаевой

Моссовет выдал ордер на дом № 6 по улице Писемского Центральной городской публичной библиотеке им. Некрасова. В двухэтажном особняке будет открыта мемориальная квартира Марины Цветаевой.

Этот маленький музей откроют не скоро. За 124 года жизни дом одряхлел, его нужно реставрировать. И тем не менее вот уже много лет особняк в бывшем Борисоглебском переулке служит мемориалом, если видеть за этим словом главное — точку притяжения памяти. У дверей дома, на лестничной клетке у квартиры № 3, где жила Цветаева, букетики цветов, наивные и искренние надписи на давно небеленых стенах: «Мы любим вас, Марина!», «Спасибо».

Сама Марина Ивановна очень ценила свой дом в Борисоглебском. Он был для нее «волшебным», «гротом», «кораблем», «диккенсовским». В воспоминаниях о сестре Анастасия Цветаева пишет: «Только войдя сюда, она сразу почувствовала: «Это мой дом».

За восемь лет, с 1914 по 1922 год, здесь написаны десять из пятнадцати изданных при жизни книг поэта (Цветаева не любила слово поэтеса). В арбатском доме гостили А. Толстой и В. Вересаев, И. Эренбург и М. Волошин, О. Мандельштам и Ю. Завадский...

У небольшого дома большая память и сложная судьба. Ему повезло уцелеть, остаться таким, каким был он и при жизни Цветаевой. Двух других, связанных с ее биографией зданий нет: давно снесен особняк в Трехпрудном переулке, где она родилась, не сохранился и дом в Тарусе. Повезло дому № 6 и тем, что больше сорока лет назад судьба дала ему хранительницу — вернувшегося с фронта военного хирурга Надежду Ивановну Катаеву-Лыткину.

Да, это было удивительное совпадение — подаренный ей в дни обороны Москвы томик стихов Цветаевой, который прошел с нею всю жизнь, и полученный позже ордер на комнату в «доме Марины».

Что только не угрожало дому, уцелевшему в нескольких десятках шагов от нового Арбата! Особняк собирались сносить, ордер на него выдавали вовсе не заинтересованной в цветаевском мемориале организации, тут даже планировалось устроить небольшую гостиницу... «Волшебный дом» выстоял. Ему помогли выстоять. Константин Симонов, Николай Тихонов, Сергей Наровчатов, Павел Антокольский — нет, не перечислить всех, кто писал, стучался в разные двери с просьбой оставить дом памяти о поэте.

Но не удалось сберечь двери, цветные витражи. Пять лет, как отселены из коммунальных квартир жильцы. И можно, не боясь нарушить чей-то покой, пройти по гулким половикам третьей квартиры, остановиться, удивившись косым потолкам, падающему в коридор откуда-то сверху из фонаря свету, и даже немного поплутать, потому что семь здешних комнат расположены на трех разных уровнях...

Дом этот дорог для нас не только как мемориал поэта, но и как памятник — особняк так называемой «арбатской архитектуры». Многие дома на Арбате отличались классической строгостью фасадов и особой прелестью интерьеров. Даже в официальном документе, плановом задании на реставрацию, есть слова «романтический уют».

Много лет не дает пропасть этому уюту, не требуя наград и признания, Катаева-Лыткина. Заботы вполне прозаические: сбросить снег с крыши, починить проводку, проследить, чтобы не заливало подвал... Но, оказывается, бескорыстие памяти притягательно. Рядом с Надеждой Ивановной берегли дом, ухаживали за ним студенты, рабочие, ученые, поэты... Работали, а вечерами в небольшой гостиной, где живет Катаева-Лыткина, пили чай, читали стихи.

После реставрации дома стихи Цветаевой будут звучать здесь чаще, и главное, услышит их больше людей. Библиотека планирует открыть тут клуб «Москва», краеведческий отдел, перевезти сюда часть литературы по искусству. Наверное, понадобится пополнить фонды книгами самой Цветаевой. Как выяснили мы с заместителем директора Т. Вестерман, центральная библиотека столицы располагает лишь одним сборником стихов Цветаевой, да и тот — в фонде специального хранения.

В решении исполкома Моссовета, определившем статус дома № 6, есть и указание на необходимость отселить последних жильцов. Что ж, теперь Надежда Ивановна не возражает против отселения — судьба у дома сложилась так, как мечталось. Только очень хочется, чтобы, посвятив всю жизнь «дому Марины», его хранительница не оказалась отселенной на жительство далеко от улицы Писемского. Мы в силах не забыть ее бескорыстие.

Экзюпери сказал, что самое важное — жить для возвращения. Вот и возвращается в свой дом поэт Марина Ивановна Цветаева. Возвращается, чтобы «дом Марины» стал законным, а не стихийным местом поклонения ее поэзии.

В. ЛОШАК.

193